

ФАЯНСОВЫЕ И СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ В СКИФИИ И САРМАТИИ

В последние годы в связи с комплексным подходом к изучению археологических источников наблюдается отрадная картина более полного использования их информативных возможностей. Это в свою очередь позволяет решать на более высоком уровне проблемы, связанные с древней историей нашей страны. К категории таких исследований следует отнести и трехтомный труд Е. М. Алексеевой¹. Он является первой как по масштабам, так и по охваченному кругу проблем попыткой свести воедино и классифицировать бусы, фигурные подвески и пронизи, найденные в комплексах античных городов Северного Причерноморья начиная с VI в. до н. э. и кончая IV в. н. э. В нем обобщен материал, насчитывающий несколько десятков тысяч изделий из стекла, фаянса, гагата и полудрагоценных камней. Они происходят из 35 больших и малых памятников. По разным причинам в издание не вошли коллекции бус из раскопок Нимфея, Мирмекия, Илурата, Гермонассы и Березани (исключение составляют скарабеи) и недавно открытого Ягорлыцкого поселения. Особенно досадна недоступность березанской коллекции. Ее публикация могла бы пролить дополнительный свет на ряд еще не решенных или проблематичных вопросов, связанных с начальными этапами греческой колонизации северных берегов Понта.

Отсутствует в работе и перечень античных бус, происходящих из варварских памятников юга Восточной Европы. В то время как украшения, найденные в древнегреческих комплексах, в настоящее время часто бесспорны или происходят из широко датированных культурных слоев, украшения, происходящие из курганных и бескурганных могильников Северного Причерноморья, нередко дают превосходный материал для точных датировок, а также позволяют выявить новые типы и разновидности, отсутствующие в эллинских памятниках. Однако, как отметила Е. М. Алексеева, огромный объем материала требует специального монографического исследования этой проблемы. Такой труд помог бы решить ряд важных вопросов: выявить или уточнить центры производства тех или иных типов украшений, конкретизировать направление торговых связей эллинских городов Северного Понта в различные исторические периоды, уточнить идеологические воззрения и эстетические вкусы местного населения и т. п.² К сожалению, существующие в настоящее время сводки о находках античных бус в глубинах хинтерланда крайне неполны и страдают отсутствием единого типологического принципа их классификации³. В настоя-

¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, Г1-12, т. 1, М., 1975, 94 с., 19 табл.; т. 2, 1978, 103 с., 14 табл.; т. 3, 1982, 104 с., 54 табл.

² Островерхова А. С. Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа. — В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван, 1982, с. 97—99.

³ См., например: Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднестровья в V—III вв. до н. э. — САИ, Д1-4, М., 1967, с. 33, 34, табл. 4, 23; Онайко Н. А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V веках до н. э. — САИ, Д1-27, М., 1966, с. 35, табл. XXIII, 2—4, 6; XXIV, 1—5; она же. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II веках до н. э. — САИ, Д1-27, М., 1970, с. 54, 67, табл. XIII, а и б.

щей статье мы попытаемся, опираясь на классификационную схему, предложенную Е. М. Алексеевой, дать краткую характеристику стеклянных и фаянсовых бус, найденных в Скифии и Сарматии.

Сначала остановимся на фаянсах ⁴. Согласно представлениям многих современных ученых, основным поставщиком изделий из фаянса в Восточную Европу во все времена античной эпохи был Египет, особенно Навкратис. Е. М. Алексеева выделяет два этапа в распространении украшений из этого материала на указанной территории. Первый, по ее мнению, относится к VI в. до н. э. Второй охватывает период с III в. до н. э. и первые столетия н. э. Перерыв между первым и вторым этапами связывается с началом персидских завоеваний в Египте в последней четверти VI в. до н. э. и прекращением производства фаянсов в Навкратисе. Весьма важен тот установленный исследовательницей факт, что в VI в. до н. э. основными центрами сосредоточения фаянсов в Северном Причерноморье являлись Березань и Ольвия. На Боспоре подобные украшения (исключительно веретенообразные бусы) известны лишь в нескольких экземплярах.

Попытки собрать сведения о распространении фаянсов на территории местных племен предпринимались неоднократно ⁵. Однако массовые раскопки, развернувшиеся в последние годы в зонах новостроек на юге европейской части СССР, вносят в эти сводки существенные коррективы и дополнения. Особенно это касается памятников степной Скифии IV в. до н. э. и сарматских комплексов.

Обратимся сначала к наиболее интересным находкам на территории степной Скифии. В 1975 г. при раскопках Ингульской археологической экспедиции ИА АН УССР кургана третьей четверти V в. до н. э. у с. Коминтерн Снигиревского р-на Николаевской обл. был найден скарабей в золотой оправе. Примечателен тот факт, что на его брюшке помещены не египетские иероглифы, а выдавленное по сырой фактуре изображение скифского «летающего» оленя ⁶. Еще один скарабей происходит из кургана 21, погребения 2, раскопанного В. Ю. Болтриком в 1977 г. у с. Гюновка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. Курган датируется второй половиной V в. до н. э. Однако скарабей, очевидно, более ранний. Аналогичное украшение, репродуцированное в книге Н. Н. Качалова ⁷, датируется VII—VI вв. до н. э.

Интересны и амулеты, изображающие глаз, — уджа. Такие изделия найдены в к. 17, п. 1 у с. Коминтерн ⁸ и к. 17 п. 4 у с. Привольное в Херсонской обл. ⁹ В Государственном Эрмитаже хранится форма для изготовления таких изделий. По мнению И. М. Лурье, она относится ко времени Нового царства ¹⁰. Скифские курганы датируются IV в. до н. э.

В Государственном Эрмитаже хранится также булавовидная пронизь, связанная с антикапейской коллекцией, но в настоящее время беспаспортная и не имеющая данных для датировки ¹¹. Подобные изделия в кол-

⁴ Под «египетскими» фаянсами в современной литературе понимаются изделия, основу которых составляет измельченный кварц, покрытый сверху стекловидной глазурью. См. Алексеева, Ук. соч., т. 1, с. 23.

⁵ Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА, 1958, № 1; Коростовцев М. А. Древнеегипетские находки в СССР. — ВИМК, 1957, № 2, с. 72—87; Виноградов В. Б. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике. — В кн.: Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968, с. 39—55.

⁶ Информация Ю. И. Гребенникова, к. 9. Изделие экспонируется в Музее драгоценностей Украинской ССР (Киев).

⁷ Качалов Н. Н. Стекло. М., 1959, с. 59, рис. 17.

⁸ Раскопки Ингульской экспедиции в 1975 г.

⁹ Раскопки Херсонской экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. Информация начальника экспедиции А. И. Кубышева.

¹⁰ Лурье И. М. История техники древнего Египта. — В кн.: Очерки по истории техники древнего Востока. М. — Л., 1940, с. 220, рис. 107.

¹¹ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 48, табл. 5, 24.

лекциях других греческих городов Северного Причерноморья не известны. Но зато близкая по типу фаянсовая пронизь найдена в скифском кургане IV в. до н. э. у с. Золотая Балка Новотроицкого р-на Херсонской обл.¹² От пантикапейской она отличается лишь наличием на лопастьях дополнительного геометрического орнамента в виде креста. Пронизь носит следы длительного использования (фрагментирована и сильно потерта), поэтому может датироваться более ранним, чем IV в. до н. э., временем.

Помимо вышеперечисленных, неординарных фаянсовых поделок в памятниках степной Скифии постоянно встречаются обычные украшения, изготовленные из этого материала. Это крупные рубчатые и мелкие веретеновидные бусы, а также мелкий бисер.

Таким образом, о полном прекращении ввоза фаянсов в Северное Причерноморье в конце VI в. до н. э. говорить не приходится. Можно предполагать лишь частичное свертывание этой торговли в V—IV вв. до н. э. Общеизвестно, что в древности в период войн международная торговля не прерывалась полностью. Торговые суда ввозили свои товары беспрепятственно даже во вражеские гавани¹³. Маловероятным представляется и предположение о полном прекращении производства фаянсов в Египте в связи с персидской экспансией, а затем его возобновлении через несколько столетий без существенных изменений в технологии.

С другой стороны, весьма интересен и хорошо обоснован вывод Е. М. Алексеевой¹⁴ о наибольшей концентрации фаянсовых изделий в античное время на юге Восточной Европы. Вне пределов Северного Причерноморья, в том числе и в Египте, украшения из этого материала встречаются крайне редко. Они представлены там малым количеством типов и не могут идти ни в какое сравнение с богатой и разнообразной северо-понтийской коллекцией. Ее значительно дополняют находки в позднескифских и сарматских комплексах¹⁵.

Распространение украшений из фаянса преимущественно на северных берегах Черного моря трактуется исследователями по-разному. Так, А. К. Коровина¹⁶ видит причину этого в местном северопричерноморском происхождении значительной части этих изделий. Наоборот, Е. М. Алексеева, защищая традиционное мнение, считает, что в последние века до н. э. и в первые столетия нового исчисления фаянсы продолжал выпускать какой-то центр Египта, возможно Навкратис, просуществовавший до III в. н. э., где возродилось старое ремесло, процветавшее в этом городе в VI в. до н. э. В. Н. Корпусова¹⁷, не становясь ни на одну из упомянутых точек зрения, полагает, что места производства фаянсов можно будет определить лишь на основе их массового химико-технологического анализа с учетом морфологических признаков, применяя наряду с этим археологический поиск мастерских, в которых они изготавливались.

¹² Работы Херсонской археологической экспедиции (ХАЭ) в 1978 г., к. 1, п. 3. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех коллег за возможность ознакомиться с коллекциями и использовать некоторые материалы в публикации: *Островерзов А. С.* Подорож у біографію скла.— Наука і суспільство, 1983, № 9, с. 48.

¹³ *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II веках до н. э. М., 1963, с. 52.

¹⁴ *Алексеева.* Ук. соч., с. 27, прим. 24.

¹⁵ Основная масса этих материалов также еще не опубликована. Мы отметим лишь несколько работ: *Сымонович Э. А.* Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского.— СА, 1961, № 1, с. 271; *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение в Соколовой Могиле.— В кн.: Скифия и Кавказ, Киев, 1980, с. 168—183; *Галибин В. А.*, *Островерзов А. С.*, *Субботин Л. В.* Стекланные изделия из сарматских погребений Семеновского могильника.— МАСП, 1983, с. 61, рис. 1, 2, 4; *Вязмитина М. Г.*, *Іллінська В. А.*, *Покровська Є. Ф.*, *Тереножкін О. І.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП УРСР, 1960, VIII, с. 88 сл., рис. 69, 10.

¹⁶ *Коровина А. К.* Фаянсовые подвески из некрополя Тиранбы и Фанагории.— ВДИ, 1972, № 1, с. 101—111.

¹⁷ *Корпусова В. М.* Мініатюрна пластика і мозаїка з боспорського некрополя поблизу с. Золоте.— Археологія, 1973, 9, с. 81.

Аргументы Е. М. Алексеевой, выдвинутые против предположения А. К. Коровиной, сводятся к утверждению об отсутствии в Северном Причерноморье сырьевых материалов, необходимых для производства фаянсов, в первую очередь натуральной соды. Однако в настоящее время доказано, что в античное время из Египта осуществлялся широкий экспорт этого сырья в разные концы тогдашней ойкумены¹⁸. С другой стороны, иногда еще бытующее в нашей литературе мнение о полной монополии Египта на запасы натра в свете геологических данных следует признать преувеличенным. Так, исследователи предполагают, что в римское время его добывали во Фракии и Македонии. Запасы натуральной соды имеются и в некоторых причерноморских озерах. Что касается кварцевых песков, пригодных для целей стеклоделия и производства фаянсов, то на северных берегах Черного моря эти материалы представлены в довольно больших количествах¹⁹. Начиная с VI в. до н. э. здесь существовало и стеклоделательное производство²⁰, достигшее своего наивысшего расцвета в римскую эпоху²¹, поэтому и производство фаянсов, более простое в технологическом отношении, не составляло особого труда.

Изучая ремесленное производство Ольвии, мы обратили внимание на несколько пресс-форм, в которых изготавливались изделия, напоминающие по внешнему виду ряд типов фаянсовых изделий, бытовавших в Северном Причерноморье. Так, из раскопок Ольвии 1929 г. происходит форма, на которой вырезан негатив бочковидно-ребристой бусины с валиками по краям отверстий. Средняя часть орнаментирована косыми рубчиками²². Хотя полной аналогии подобному изделию в «Своде» Е. М. Алексеевой нет, все же близкие к нему формы украшений довольно распространены²³. Они датируются IV—III вв. до н. э. Встречается такая продукция и в памятниках степной Скифии²⁴.

Вторая неизданная пресс-форма из раскопок Ольвии 1928 г. хранится в Николаевском краеведческом музее²⁵. Она изготовлена из камня и предназначалась для формовки ряда украшений, в том числе и подвесок в виде виноградной грозди — тип 76. Подобные украшения получили распространение с III в. до н. э., но больше всего характерны для первых веков н. э.²⁶ Известны они и по раскопкам сарматских памятников²⁷.

Третья пресс-форма из дореволюционных раскопок Ольвии хранится в Одесском археологическом музее²⁸. Оттиск этой формы представляет собой сложнoproфилированную подвеску в виде остродонного сосулика, нижняя часть которого каннелирована. Отверстие для подвешивания в верхней части украшения формовалось при помощи округлого в сечении стержня, помещавшегося в специальном пазу на форме. Подобные фаянсовые изделия также широко представлены в комплексах античных го-

¹⁸ Шапова Ю. Л. Мастерская по производству стекла у с. Комарово. — СА, 1978, № 3, с. 234; Neumann B. Antike Gläser, ihre Zusammensetzung und Färbung. — Zeitschrift für angewandte Chemie, 1925, 38, S. 776—780.

¹⁹ Островерхов А. С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (По материалам Ягорлицкого поселения). — ВДИ, 1979, № 3, с. 124 сл.

²⁰ Он же. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье. — СА, 1981, № 4, с. 214—228; он же. Склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні. — Археологія, 1978, 25, с. 49—59.

²¹ Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия (По материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983, с. 139 сл.

²² Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії. — АП УРСР, 1958, VIII, с. 54, 56, табл. VII, 6.

²³ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 35, табл. 5, 40.

²⁴ Разрушенный курган у с. Солдатское Вознесенского р-на Николаевской обл. Охранные раскопки Николаевского краеведческого музея в 1970 г. Информация В. И. Никитина.

²⁵ НКМ-а, № 2009. Экспозиция.

²⁶ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 45, сл., табл. 11, 31—35.

²⁷ Вязмитина, Іллінська, Покровська, Тереножкін. Ук. соч.

²⁸ ОАМ, № 2220. Экспозиция.

родов Северного Причерноморья²⁹. Помимо этого, при раскопках ремесленных кварталов Ольвии встречаются бесформенные куски фаянсовидного вещества, чаще всего именуемого раскопщиками «пастой»³⁰. Очевидно, их следует рассматривать как отходы фаянсового производства.

Стремясь доказать египетское происхождение фаянсов, находимых на северных берегах Черного моря, Е. М. Алексеева ссылается также на тысячелетние традиции египтян в деле их выпуска. Действительно, такие традиции отрицать трудно. Но едва ли справедливо утверждение, что все предметы из фаянса происходят из Египта. Ж. Стоун и Л. Томас отмечают, что уже во II тыс. до н. э. фаянсовые мастерские существовали не только в Египте, но и в Эгиде, Сирии и, возможно, в Индии. Существование центров по производству фаянсов в эпоху бронзы засвидетельствовано также на Британских островах. Предполагается их наличие в это время на территории Северного Причерноморья³¹.

Для того чтобы сравнить химические составы собственно египетских фаянсов³² с химическими составами фаянсовых изделий, бытовавших в античную эпоху, по просьбе автора этой статьи в Лаборатории количественного спектрального анализа ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным было сделано несколько десятков анализов фаянсов из разновременных комплексов начиная с VI в. до н. э. и кончая первыми столетиями н. э. В результате этих анализов были зафиксированы практически все разновидности фаянсов, выделенных в свое время А. Лукасом для Египта³³. Интересным оказался тот факт, что часть изделий римского происхождения, фактура которых внешне напоминает стекловидный фаянс, на самом деле выполнена из материала, который скорее всего следует отнести к свинцовистым стеклам ($PbO-SiO_2$)³⁴.

Касаясь применения свинца в фаянсовом и стеклоделательном производствах, следует упомянуть о свинцовистой глазури. Согласно А. Лукасу, в Египте она появилась во времена XXXII династии (950—730 гг. до н. э.), но широкое применение получила в эпоху Птолемеев. Она употреблялась для получения яблочно-белой глазури. Такая глазурь, нанесенная на толченый кварц, в литературе получила название фаянса F. У А. Лукаса имеется ссылка на работу Х. С. Гаррисона³⁵, согласно которой в Месопотамии свинцовистая глазурь также была известна еще с VII в. до н. э.

Что касается свинцовистых стекол, то, хотя, согласно М. А. Безбородову, свинец не был обычным компонентом в египетских и ассирио-вавилонских образцах³⁶, исследователи доказали их довольно раннее появле-

²⁹ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 45 сл., табл. 11, 31—35. Примеры находок таких форм в античных городах Северного Причерноморья при желании можно было бы увеличить. Многие из них считаются бронзолитейными, хотя против этого часто свидетельствуют как сам материал — известняк, непригодный для этих целей, так и отсутствие у форм литников, предназначавшихся для заливки в форму расплавленного металла.

³⁰ Фонды ИА АН УССР: 0—47/57, 2896; 49/2795; 66/352 и др. Довольно частое применение археологами термина «паста» как к фаянсовым, так и к непрозрачным стеклянным изделиям, неправомерно как с точки зрения терминологии, так и с технологической стороны. Во-первых, это вносит неясность в описание, во-вторых, существуют прозрачные стекла с большим коэффициентом преломления, которые у стеклоделов и называются пастовыми. См. Лукас А. Материалы и ремесленное производство древнего Египта. М., 1958, с. 307.

³¹ Магно Е. В., Братченко С. Н. Пастовые наместо в катакомбного похоронения на Кампанійському могильнику. — Археологія, 1977, 24, с. 67; Stone J. F. S., Thomas L. C. The Use and Distribution of Faience in Ancient East Prehistoric Europe. — Proceeding of the Prehistoric Society, 1956, v. XII.

³² Лукас. Ук. соч., с. 282; Binns Ch., Klem M., Mott M. An Experiment in Egyptian Blue Glaze. — JACS, 1932, № 15, p. 271 f.; Noble J. V. The Technique of Egyptian Faience. — AJA, 1969, v. 73, № 4, p. 165—176.

³³ Лукас. Ук. соч., с. 267—270.

³⁴ Галибин, Островерхов, Субботин. Ук. соч.

³⁵ Лукас. Ук. соч.

³⁶ Безбородов. Ук. соч., с. 160; Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966, с. 129.

ние в древнем мире. Такие стекла в относительно большом количестве были выявлены в памятниках античного времени на территории Северного Причерноморья. Здесь они появились не позже V в. до н. э. и встречаются вплоть до IV в. н. э.

Таким образом, в Скифии и Сарматии фаянсовые украшения получили довольно широкое распространение. Они бытовали здесь непрерывно, начиная с VI в. до н. э. и кончая первыми столетиями н. э. Если в отношении архаического и классического времени у нас нет пока данных об их производстве в древнегреческих городах на северных берегах Понта, то такие доказательства имеются для позднеэллинистической и римской эпох. Конечно, это не исключает импорта фаянсовых поделок из Средиземноморья. Нам представляется целесообразным заменить термин «египетские» фаянсы на более емкий и более соответствующий действительности — «античные» фаянсы.

Много внимания в «Своде» Е. М. Алексеевой уделено характеристике одноцветных и полихромных стеклянных бус. И это неудивительно, ведь в то время стеклоделы освоили секреты изготовления самых различных по цвету и тональности стекол, производя из них не только простые, но и весьма сложные по форме украшения.

Бусы, изготовленные из одноцветного стекла, составляют подавляющее количество стеклянной продукции, встречающейся на территории Северного Причерноморья. Е. М. Алексеева привела ряд свидетельств в пользу местного производства подобных украшений, собрав коллекцию пресс-форм, в которых могли отливаться или отливались стеклянные бусы³⁷. Они происходят из Ольвии, Пантикалея и Фанагории. В Белгород-Днестровском музее хранится каменная форма, предназначавшаяся для отливки мелких округлых бусин³⁸. В фондах Института археологии АН УССР хранится большая коллекция бракованных стеклянных бус, сливов стекла и полуфабрикатов, найденных в различные годы при раскопках Ольвии. В гораздо меньших количествах подобные материалы известны в Тире. Следует учитывать, что преобладающее количество украшений изготавливалось без применения форм, путем навивки размягченной стеклянной палочки на металлическую или керамическую основу. При таком производстве следов практически не остается.

Самым интересным и важным представляется открытие стекольного ремесла и производства бус еще для эпохи ионийской колонизации на Ягорлыцком поселении, близ устья Днепра³⁹. Здесь ремесленники работали в смешанных традициях: в качестве щелочей применяли натуральную соду (египетская школа стеклоделия) и золу солончаковых растений (переднеазиатская школа). Они использовали различные красители: медь, марганец, олово и олово в сочетании со свинцом. Стеклоделы изготавливали биконические, округлые, округло-ребристые, «глазчатые» и другие типы украшений.

Интересны бусы биконической формы из прозрачного или просвечивающегося янтарно-желтого стекла⁴⁰. Подобные изделия наряду с мелкими

³⁷ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 50 сл., табл. 42, 24—26.

³⁸ Ивв. № БДКМ, К-144. В инвентарной книге указано, что форма происходит из раскопок Тире 1949—1950 гг. В публикации Л. Д. Дмитрова о ней ничего не говорится. См. Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції. — АП УРСР, 1955, V, с. 111—123.

³⁹ Безбородов М. А., Островерхов А. С. Стеклоделательная мастерская в Северном Причерноморье в VI в. до н. э. — Стекло и керамика, 1978, № 2, с. 32 сл.; они же. Ранние этапы стеклоделия в Восточной Европе. — Природа, 1979, № 4, с. 61—65; Островерхов. Древнейшее античное производство...; он же. Антична склоробна майстерня...; он же. Початок склоробного виробництва на території України. — Нариси з історії природознавства і техніки. Київ, 1982, вып. 28, с. 95—99; Bezborodov M. A., Ostroverkhov A. S. A Glass-making Workshop in the Northern Black Sea Region in the Sixth Century B. C. — Glass and Ceramics, N. Y., 1978, 35, № 1, 2, p. 109—111.

⁴⁰ Тип 90. Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 68, табл. 33, 27.

фаянсовыми розетками и бисером белого, а также синего цвета составляют специфику лесостепных скифских ожерелий VI в. до н. э.⁴¹ Аналогичные украшения также встречаются в Ольвии, где они датируются в пределах большого периода времени⁴². В скифской степи, в памятниках V—IV вв. до н. э. подобные изделия встречаются часто, особенно в памятниках Нижнеднепровской группы, на территории Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областей. Однако состав стекла архаических бус отличается от состава украшений более позднего времени. В то время как стекла, современные деятельности Ягорлыцкой мастерской, не осветлялись сурьмой, преобладающая масса более поздних украшений содержит сурьму в количествах от 0,5 до 2%. Такое отличие может послужить одним из критериев при попытках датировки комплексов, содержащих ограниченный инвентарь.

Во второй половине V—III в. до н. э. наряду со старыми, бытовавшими в VI — первой половине V в. до н. э. типами бус появляются новые, ранее не известные. Так, еще в конце V в. до н. э. на территории Северного Причерноморья появляются усеченно-пирамидальные подвески из прозрачного синего стекла. Эти изделия часто носят следы одного из древнейших видов холодной обработки стекла — шлифования. Украшения имеют четкие грани и крохотные отверстия для подвешивания⁴³. Генезис пирамидальных подвесок следует относить еще к VIII—VII вв. до н. э.⁴⁴ Однако наибольшее распространение в древнем мире они получили в V—IV вв. до н. э. Исследуемые подвески часто встречаются и в понтийском регионе⁴⁵, в том числе и в античных городах на северном берегу Черного моря: Ольвии, Пантикапее, Никонии и др., а также в скифских памятниках Нижнего Поднепровья⁴⁶, Подунавья⁴⁷, Крыма⁴⁸, молдавской группы⁴⁹ и лесостепи⁵⁰. Скифские материалы позволяют выделить и производные формы. Так, в кургане 7, погребении 2 у с. Сергеевка Новотроицкого р-на Херсонской обл., датированном концом V — началом IV в. до н. э.⁵¹, вместе с двумя подвесками усеченно-пирамидальной формы находилось украшение из прозрачного темно-синего стекла в виде ромбической в сечении пирамидки с выемкой в основании. На вершине — крохотное отверстие для подвешивания. Примерно от одной трети высоты

⁴¹ Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, с. 152; она же. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, с. 141; Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 125, рис. 14; Шапова Ю. Л. История стеклоделия в древности и средневековье (По материалам долины Нила, Ближнего Востока, Средиземноморья и Европы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1982, с. 24.

⁴² Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 68.

⁴³ Типы 112 и 113. Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 69, табл. 33, 35.

⁴⁴ Розенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (Восточный вариант). — САИ, В2-5, 1982, с. 65.

⁴⁵ Кифтиш Б. А. Материалы по археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси, 1949, с. 176, табл. XVII, 1; Воронов Ю. Н. Диоскуриада — Севастополь — Цхум. М., 1980, с. 50, рис. 12, 17; Розенкова. Ук. соч., с. 64 сл., табл. XXIX, 35, 36.

⁴⁶ Вязмитина, Галінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко. Ук. соч., с. 50, рис. 34, 13, 15; Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, № 115, с. 107, рис. 6, 7; Черненко Е. В., Буянтян Е. П. Курганный комплекс Широко-П. — В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев, 1977, с. 48, рис. 9, 6; 15, 18. Многие материалы из этого района еще не опубликованы.

⁴⁷ Раскопки Измаильской экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. Плавни Ренийского р-на Одесской обл., к. 4, п. 1, 2; к. 25, п. 1, 2.

⁴⁸ Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 146, рис. 5, 8. Такие же изделия встречаются и в каменных ящиках Юго-Западного Крыма, особенно в Сакском р-не. См., например, Отчет о работе Северо-Крымской экспедиции за 1981 г., к/я 4, п/о 110/21.

⁴⁹ Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины. — МИА, 1962, № 115, с. 150.

⁵⁰ Петренко. Ук. соч., табл. 20, 21, 23; Покровська Є. Ф. Кургани біля с. Сеньківки. — Археологія, 1965, 18, с. 142, табл. II, 7; Шрамко. Ук. соч.

⁵¹ ХАЭ-1976. Материалы не опубликованы.

к основанию идут шлифованные скосы. Такой тип не отмечен у Е. М. Алексеевой. Предлагается выделить его в тип 113а одноцветных стеклянных бус.

Вопрос о центрах производства подобных украшений в литературе практически не дискутировался. Между тем данные об их химическом составе позволяют высказать некоторые соображения. Все проанализированные северночерноморские образцы сварены на довольно чистой натуральной соде, что характерно для египетской школы стеклоделия. Синий их цвет получали за счет окраски стеклянной массы соединениями кобальта, которые всегда сопровождаются большими концентрациями марганца. Это также свидетельствует не в пользу переднеазиатского происхождения подвесок. Наиболее мощные залежи персидских кобальтовых руд, которые издревле использовали стеклоделы Ближнего Востока, не содержат марганца⁵². Скорее всего их производили египетские, финикийские или карфагенские мастерские. В связи с широким распространением этих изделий как в Средиземноморье, так и в Европе не исключается существование нескольких центров их фабрикации, в том числе и на северном берегу Черного моря.

Не менее интересны изготовлявшиеся в это же время подвески в виде стилизованных амфорок⁵³. Стекло их в большинстве случаев бесцветное, прозрачное, с золотистым оттенком. Но в Скифии встречаются и украшения, изготовленные из непрозрачного желтого и синего прозрачного стекла⁵⁴. Отверстие помещается в верхней части бусины, в месте расширения, имитирующего ручки амфоры. На многих изделиях имеется вертикальный шов, делящий подвеску на две части. Это свидетельствует об изготовлении такой продукции путем литья или прессования в специальных формах. Судя по наличию заплывов вокруг одного из выходов отверстия, последние пробивались специальным пробойником в ходе формирования подвески.

Е. М. Алексеевой учтено всего четыре комплекса, в которых зафиксированы амфоровидные подвески. Все они находятся на Боспоре. Это Пантикапей, Фанагория и два варварских некрополя — Беглицкий некрополь и могильник Бранное поле. Однако на самом деле ареал их распространения во много раз шире. Они хорошо известны в Ольвии и на поселениях ее окрестности⁵⁵. Амфоровидные подвески характерны для скифских курганов Нижнего Поднепровья⁵⁶. Менее известны они в нижне-

⁵² Young S. Analysis of Chinese Blue and White Ware.— *Orient Art*, 1956, v. VII, p. 114—117.

⁵³ Тип 193д. Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 74, табл. 34, 40.

⁵⁴ ХАЭ-1977, с. Ольговка, к. 2, п. 1; с. Львово, к. 18, п. 1.

⁵⁵ Ольвийские материалы см. в фондах ИА АН УССР. Такая же амфорка найдена на поселении IV в. до н. э. Лузановка. Раскопки Э. И. Дьяманта в 1972 г.

⁵⁶ Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974, с. 58, рис. 47; Ковпащенко Г. Т., Яковенко Э. В. Скифские курганы на юге Херсонщины.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 260, рис. 3, 8; Бунятян Е. П. Курганный могильник Шевченко-III.— В кн.: Курганы южной Херсонщины, с. 123 сл., табл. XXXV; Черненко, Бунятян. Ук. соч., с. 85, рис. 9, 1; Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополь.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5, с. 28, рис. 7; Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н. Скифский курганный могильник Гайманово Поле.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 155, 158, 164, 172, 194, рис. 3, 24; 13, 20; 37, 11; Березовец Д. Т. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скіфського часу в с. Кут.— АП УРСР, 1960, IX, с. 40, 42, 48, 49, 68, 71, 74; Спицын А. А. Раскопки, произведенные в 1897 г.— близ д. Башмачка Екатеринославского уезда.— ИАК, 1901, 1, с. 75, рис. 9, 11; Волковой С. С., Лигачев В. А., Шалобудов В. Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1979, с. 55, рис. 4, 12; с. 51, 60, рис. 9, 6 и др. работы. Помимо этого, не следует забывать о многочисленных находках «амфорок» в курганах, раскопанных новейшими экспедициями ИА АН УССР, материалы которых еще не опубликованы.

дунайской ⁵⁷ и днестровской ⁵⁸ группах памятников, а также на гетских поселениях Пруту-Днестровского междуречья ⁵⁹. Встречаются они и в Крыму ⁶⁰, на Елисаветинском городище, в дельте Дона ⁶¹, в могильниках кобанской ⁶² и савроматской ⁶³ культур, а также на Кавказе ⁶⁴. В лесостепи стеклянные амфоровидные подвески пока не обнаружены. Однако там еще в начале V в. до н. э. бытовали хрустальные подвески-амфорки ⁶⁵, которые, вероятно, и послужили основой для подражания им в стекле.

В связи с ограниченностью привлеченного Е. М. Алексеевой материала приходится остановиться на вопросах уточнения времени бытования амфоровидных подвесок в Северном Причерноморье. По ее мнению, они употреблялись как в IV—III, так и в I в. до н. э. (Фанагория). Однако материалы из скифских, савроматских и меотских курганов свидетельствуют о том, что они синхронны подвескам в виде срезанного конуса и также должны датироваться концом V—IV в. до н. э. Не затрагивался в литературе и вопрос о центрах производства амфоровидных подвесок. Интересно, что в Средиземноморье они встречаются крайне редко и имеют несколько иные очертания. Так, Л. Вулли, раскопавший бусинную «лавку» в Аль-Мине и датировавший ее первой четвертью IV в. до н. э., отмечает наличие в ней маленьких подвесок в виде колбочки или флакончика ⁶⁶. Подобные изделия — крайне редкая находка на северных берегах Черного моря ⁶⁷. Зато они довольно часты в синхронных памятниках на Северном Кавказе ⁶⁸.

Наше внимание привлекли пресс-формы, найденные в Ольвии, в которых изготавливались предметы, весьма близкие по форме к стеклянным амфоровидным подвескам ⁶⁹. Хотя тип амфоры ввиду сильной стилизации определить трудно, все же, несомненно, это собирательный образ амфор V—IV вв. до н. э. В них представлены черты протофасосских, фанагорийских, мендских и типа Солоха-II амфор. Интересно, что И. А. Лейпунская сочла возможным отнести тару типа Солоха-II к местному ольвийскому

⁵⁷ Работы Изм. АЭ в 1982 г. в с. Нагорное Ренийского р-на Одесской обл., к. 11, п. 3.

⁵⁸ Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы Григоровского района. — АИМ в 1972 г. Кишинев, 1974, с. 84, рис. 2, 11; она же. Работы Западно-Скифской экспедиции. — АИМ в 1973 г. Кишинев, 1974, с. 65, рис. 1, 2, 6; она же. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975, с. 185, 257, рис. 59, 20; Дзис-Райко Г. А. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. — КС ОАМ за 1963 г., 1965, с. 61, рис. 4, 1.

⁵⁹ Никулицэ И. Т., Рафалович А. И. Жилища гетов и ранних славян у с. Ханска. — АИМ в 1973 г., с. 82, рис. 1, 4.

⁶⁰ Яковенко, Черненко, Корпусова. Ук. соч., с. 138, рис. 2, 6.

⁶¹ Работы Южно-Донской экспедиции в 1980 г. Бусинная «лавка». — Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1980 г. Архив ЛОИА АН СССР. Раскопки И. Б. Брашинского и К. К. Марченко.

⁶² Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской. — В кн.: Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. — МИА, 1958, № 64, с. 291, рис. 10, 3; Козенкова. Ук. соч., с. 63, табл. XXXIX, 34.

⁶³ Смирнов К. Ф. «Амазонка» IV века до н. э. на Дону. — СА, 1982, № 1, с. 120—131, рис. 9, 1.

⁶⁴ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. Тбилиси, 1950, табл. 15, 10, 11.

⁶⁵ Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии 1905 г. — ИАК, 1906, 20, с. 7 сл., рис. 8, 11.

⁶⁶ Woolley L. The Excavations at Al Mina-Sueidia. — JHS, 1938, 58, p. 157—159, pl. XIV.

⁶⁷ Подобный тип у Е. М. Алексеевой не обозначен. Одна подвеска из прозрачного стекла со светло-зеленым оттенком найдена в к. 7, п. 1 у с. Малая Терновка в Акимовском р-не Запорожской обл. ХАЭ-1981. Материалы не опубликованы.

⁶⁸ Козенкова. Ук. соч., с. 63, табл. XXXIX, 31.

⁶⁹ Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, 1956, 50, с. 177, рис. 18, 5; Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії, с. 47, 59, 60. Е. М. Алексеева полагает, что в ольвийских формах отливались золотые украшения (ук. соч., т. 3, с. 50).

производству⁷⁰. Что касается химического состава стекла, то стеклянная масса, из которой изготавливались амфоровидные подвески, сварена по традициям египетской школы и также освещена сурьмой.

Таким образом, не настаивая на полной монополии античных центров Северного Причерноморья, и в частности Ольвии, на производство стеклянных амфоровидных подвесок в конце V—IV в. до н. э., мы все же считаем их производство здесь вполне возможным. Об этом свидетельствуют не только находки пресс-форм в Ольвии, но и топография распространения амфоровидных подвесок в Скифии. Больше всего они встречаются в нижнеднепровской группе курганов.

Характеризуя стеклянные одноцветные бусы римского времени, Е. М. Алексеева констатирует возникновение новых способов их изготовления, что, естественно, привело и к появлению новых форм. Так, с рубежа н. э. началось массовое использование тянутых стеклянных трубочек. Из них изготавливались цилиндрические, округлые и бочковидные украшения. Исследовательница отметила и характерное для первых веков н. э. распространение всевозможных граненых форм, которые имитировали популярные в это время бусы из драгоценных камней. Их разнообразие так велико, что учесть все возможные варианты — дело сложное. Еще большее разнообразие вносит коллекция, происходящая из сарматских и черняховских памятников. К сожалению, центры производства отдельных типов стеклянных украшений в римскую эпоху еще не конкретизированы. Однако наличие таких мастерских на территории Северного Причерноморья уже ни у кого не вызывает сомнения.

Особо интересны одноцветные плоские подвески с изображением мужских и женских лиц⁷¹. Е. М. Алексеева учла несколько таких подвесок. Они происходят из Пантикапея, Херсонеса и Ольвии. Не располагая по материалам античных городов Северного Понта точными данными для датировок, исследовательница все же сочла возможным, опираясь на стиль исполнения и некоторые технологические детали, датировать их IV—III вв. до н. э. Материалы из скифских памятников в целом подтверждают ее вывод. Так, в кургане 4, погребении 1 близ урочища Носаки, датированной второй половиной IV в. до н. э.⁷², найдена подвеска из непрозрачного черного стекла с двухсторонним оттиском женского лица в фас, ниспадающими локонами и ожерельем на шее. Близкой аналогией подвеске из ур. Носаки служит украшение, найденное при раскопках возле санатория «Чайка». Однако оно отличается деталями исполнения и цветом стеклянной массы. Все это позволяет выделить носаковское украшение в тип 181а. Аналогичное изделие, но изготовленное из прозрачного синего стекла, происходит из так называемой бусинной «лавки», исследованной И. Б. Брашинским на Елисаветинском городище в 1980 г.⁷³ Близкие по типу подвески, находимые в Средиземноморье, также датируются IV в. до н. э. Исследователи считают их продукцией Карфагена⁷⁴.

Много внимания в «Своде» Е. М. Алексеевой уделено характеристике стеклянных бус из полихромного стекла. Особой заслугой автора следует считать создание стройной классификационной системы, позволяющей охватывать бесконечное разнообразие многоцветных украшений, орна-

⁷⁰ Лейпунская И. А. Амфоры из Ольвии VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, 1975, с. 12.

⁷¹ Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 62, 74, табл. 34, 12—17.

⁷² Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. И., Соговский И. П. Курганный могильник в урочище Носаки. — В кн.: Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев, 1977, с. 111, 114, рис. 19, 14.

⁷³ Брашинский И. Б. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1980 г. — НА ЛОИА АН СССР, 1981, п/о № ЕР-80/XIV-247.

⁷⁴ Haevernick T. E. Doppelköpfen. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 17. Jahrgang, 1968. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, H. 7/8, S. 647—652, Taf. 6, 7.

менты на которых различаются узорами, техникой исполнения и цветовыми сочетаниями. Выводы Е. М. Алексеевой представляют значительный интерес с нескольких точек зрения: исторической, технологической и искусствоведческой; ей удалось проследить, удачно сочетая эти направления, ряд проблем художественного стеклоделия интересующей нас эпохи. Характеристика полихромных бус в «Своде» открывается подразделом, посвященным пятнистым орнаментам. К сожалению, этот декор тяжело поддается хронологическому членению. Подобные украшения бытовали в эпоху бронзы, изготавливались на протяжении всей античной эпохи и почти без изменений перешли в средневековье. В то же время Е. М. Алексеевой удалось на северопричерноморском материале подтвердить известный вывод Г. Эйсена о бытовании их с V в. до н. э. по IV в. н. э.⁷⁵ И даже удревнить его до VI в. до н. э.

При просматривании коллекции украшений из ряда скифских памятников нами было выявлено несколько типов бус, редко встречающихся в древнегреческих городах нашего Юга. Одни из них представлен подвесками в виде одноручного круглодонного кувшинчика, поверхность которого покрыта пятнистым орнаментом. Основа чаще всего изготовлена из прозрачного синего или янтарно-желтого стекла. Орнамент — желтые и бирюзовые пятна. Такие изделия характерны для IV в. до н. э. и встречаются на территории Херсонской⁷⁶, Запорожской⁷⁷, Днепропетровской⁷⁸ и Николаевской⁷⁹ областей. Пятнистые орнаменты на подвесках в виде миниатюрных сосудов известны в комплексах античных памятников на северных берегах Черного моря. Но это либо остроногие амфорки, имитирующие тару первых веков н. э., либо сосудики на плоском поддоне. Все учтенные Е. М. Алексеевой изделия относятся к римскому времени⁸⁰. Подвески же в виде одноручных кувшинчиков с пятнистым орнаментом по тулову копируют тип 194 украшений из одноцветного стекла. Автором «Свода» учтена всего одна такая бусина. Она происходит из культурного слоя Кеп начала I в. до н. э.⁸¹ Учитывая закрытый характер скифских погребений и массовость находок рассматриваемых подвесок в Скифии, очевидно, следует пересмотреть и датировку всех бус подобной формы, ограничив время их бытования концом V — началом III в. до н. э. Исследовательница дает также характеристику украшений с глазчатыми орнаментами. Последние появились на территории Северного Причерноморья еще в белозерское время⁸². На северопричерноморском материале ей удалось подтвердить выявленные ранее общие закономерности развития глазчатых бус в античную эпоху, уточнить ряд спорных вопросов и наметить общую линию развития этой отрасли стекольного производства, тесно связанного с ювелирным делом. Согласно Е. М. Алексеевой, ранние глазчатые бусы VI—V вв. до н. э. изготавливались наиболее простым способом. В это время бытовали только кольчатые и слоисто-щитковые глазки, в окраске которых преобладали кобальт, желтый и бирюзовый цвета, коричнево-черная и темно-красная расцветки.

Если во время написания «Свода» данных о местном производстве

⁷⁵ Eisen G. The Characteristics of Eye Beads from the Earliest Time to the Present. — AJA, 1916, XX, № 2, p. 17.

⁷⁶ Софиевка Каховского р-на, к. 34, п. 1; Новотроицкое Новотроицкого р-на, к. 2, п. 1 и многие другие комплексы.

⁷⁷ Гюювка Каменско-Днепровского р-на, к. 15, п. 1. Раскопки В. В. Отрощенко в 1917 г. и другие комплексы.

⁷⁸ Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Ук. соч., с. 185 сл., рис. 37, 1; Бунятян Е. П., Чердниченко Н. Н., Мурзин В. Ю. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка. — В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 108, рис. 41, 1.

⁷⁹ Каменка Очаковского р-на, к. 21, п. 2; Ebert M. Ausgrabungen dem Gute Maritzyn. — PZ, 1913, S. 48, Abb. 50.

⁸⁰ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 58, 59, табл. 12, 59, 60.

⁸¹ Там же, т. 2, с. 74, табл. 34, 41.

⁸² Отрощенко В. В. Новый курганный могильник белозерского времени. — В кн.: Скифский мир, с. 201, рис. 6, 5.

глазчатых бус еще не было, то в последние годы их изготовление в VI в. до н. э. засвидетельствовано на Ягорлыцком поселении. Основа этих украшений изготавливалась главным образом из непрозрачного коричневого стекла. Отверстие формовалось на основе керамической трубочки или пробивалось специальным коническим пробойником. Глазки слоисто-кольчатые. Кольца белесого цвета. Глазки бирюзовые и зеленые. Подобные изделия известны на Березани ⁸³, в Ольвии ⁸⁴, а также в лесостепи. Там они тоже датируются архаическим временем. Количественный спектральный анализ образцов из зон различной окраски, найденных на Ярголыке, показал довольно высокий уровень развития стекольного ремесла в Северном Причерноморье уже в архаику. В качестве красителей ремесленники применяли соединения железа, меди, марганца, олова и свинца в сочетании с оловом ⁸⁵. К сожалению, ответить утвердительно на вопрос, были ли глазчатые бусы эллинистического и римского времени исключительно импортом из Средиземноморья, или часть из них изготавливалась на месте, в настоящее время мы с уверенностью не можем. Ведь археологическая фиксация остатков стекольного производства — явление крайне редкое. Однако если исходить из предпосылки о непрерывности развития стеклodelения на северных берегах Черного моря в период античности, то местное происхождение части полихромных бус вполне правдоподобно ⁸⁶. Справедливости ради следует отметить, что в Ольвии в настоящее время известна лишь одна стеклodelательная мастерская, специализировавшаяся на изготовлении бус. Она открыта на Родосе и датируется III—II вв. до н. э. В ней изготавливались одноцветные украшения ⁸⁷.

В одном из следующих разделов «Свода» дана характеристика поперечно-полосатых, спиралевидных, перистых, продольно-волнистых, крестовидных, восьмеркообразных, поперечно-волнистых, меандровых и комбинированных орнаментов. Практически все типы, выделенные Е. М. Алексеевой, встречаются и в комплексах, которые оставили представители местного населения. Так, среди изделий с поперечно-полосатым орнаментом ею выделено восемь подтипов и определена хронология бытования отдельных вариантов. Подчеркнув применение единой техники исполнения и одинакового по цвету стекла (прозрачное янтарное стекло основы в сочетании с белыми одинарными, а в тройных полосах белое + + непрозрачное красное или белое + синее, полосами), автор выдвинула интересное предположение о том, что в позднеллинистическое время и раннеримскую эпоху бусы с поперечно-полосатыми орнаментами изготавливались каким-то одним центром. Это как будто подтверждается и химико-технологическими исследованиями, проведенными В. А. Галибиным в ЛОИА АН СССР.

Материалы из курганов Северного Причерноморья дают некоторые данные, позволяющие пролить свет на генезис описанного выше типа бус и свидетельствующие об их производстве еще в эпоху бронзы. Так, в Кочковатовском могильнике белозерского времени на территории Одесской обл. ⁸⁸ найдена бочонковидная бусина с поперечно-полосатым спаянно-

⁸³ См., например, бусы из раскопок Березани 1900—1901 гг. Г. Л. Скадовского. Херсонский краеведческий музей: ХИМ-а, № 5679 и др.

⁸⁴ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 59, табл. 14, 50.

⁸⁵ Островерзов. Древнейшее античное производство..., с. 217 сл., рис. 4, 3, табл. 1.

⁸⁶ При пересмотре ольвийской коллекции бус нам встретился один бракованный экземпляр глазчатого украшения. Его основа изготовлена из непрозрачного темно-красного стекла. Отверстие только намечено, но не пробито до конца. Подобные изделия известны в Танаисе, но датировочных данных нет. См. Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 60, табл. 14, 69. Шифр ольвийского изделия — 0-47/11.

⁸⁷ Weinberg G. D. Glass Manufacture in Hellenistic Rhodes.— *Ek tou archaiologikou*, Athenai, 1971, 24, p. 143—151.

⁸⁸ Ванчугов В. П., Субботин Л. В. Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов конференции. Днепропетровск, 1980, с. 57.

накладным орнаментом: основа цвета кобальта, по центру — белый поясok.

Интересны и округлые украшения, основа которых изготовлена из непрозрачного красного стекла. На их поверхности помещается семь розеток, каждая из которых выполнена отрезком прутика с тончайшим узором в поперечном сечении. Этот тип бус представлен в «Своде» лишь находками в одной из могил IV—III вв. до н. э. Пантикапейского некрополя⁸⁹. Однако ареал их распространения более широк. Подобные украшения известны, видимо, из Ольвии⁹⁰, а также из Марицинского могильника близ Ольвии⁹¹. Весьма часто они встречаются в скифских курганах Нижнего Поднепровья⁹², изредка — на Северном Кавказе⁹³. И наоборот, в синхронных памятниках Северо-Западного Причерноморья и лесостепи подобные украшения пока не обнаружены. Сосредоточение вышеописанных бус в относительно узком районе Скифии, как нам представляется, свидетельствует об ограниченном количестве производственных и посреднических центров. В Скифию эти изделия могли попадать при посредничестве Ольвии, Херсонеса и Боспора. Об одном или ряде родственных центров-производителей, специализировавшихся на изготовлении подобной продукции, говорит и весьма специфический химический состав стекла этих бус.

Примечательны различные подвески и пронизи, выполненные в технике накладных орнаментов. Е. М. Алексеева собрала довольно представительную коллекцию подобных изделий, происходящих из античных городов Северного Понта, датировав их в широких пределах VI—II вв. до н. э.⁹⁴ Разделить бытование отдельных типов в более узких хронологических рамках ей не удалось, так как многие из них либо вообще депаспортизированы, либо происходят из культурных слоев городищ. Этот пробел в какой-то мере можно заполнить, изучая материалы, происходящие из скифских памятников.

При исследовании уже упомянутой ранее бусинной «лавки» на Елисаветинском городище было найдено несколько экземпляров подвесок с изображением бородатых пучеглазых лиц-масок с большими носами⁹⁵. Украшения имеют общие черты с типами 462 и 463, которые исследовательница датировала IV—III вв. до н. э.⁹⁶ Между тем елисаветинский комплекс хорошо датируется первой половиной IV в. до н. э., что соответствует датировкам средиземноморских образцов — около 370 г. до н. э.⁹⁷ В несколько больших количествах в Скифии представлены цилиндриче-

⁸⁹ Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 39, 55, тип. 378, табл. 27, 102—105.

⁹⁰ В Херсонском краеведческом музее в связи бус, значащейся как найденная в Ольвии, также имеются подобные украшения. Однако эта связка сборная, а отдельные экземпляры не имеют инвентарных номеров. Поэтому полной уверенности в их ольвийском происхождении нет.

⁹¹ Ebert. Op. cit., S. 74, Abb. 83.

⁹² Лесков. Ук. соч., с. 100, рис. 86; Черненко, Бунятян. Ук. соч., с. 88, рис. 9, 4, 13; Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Ук. соч., с. 155, рис. 3, 25; Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины. — В кн.: Скифские древности, с. 159, 161, рис. 40, 3; Бунятян, Чередниченко, Мурзин. Ук. соч., с. 108, рис. 41, 1; Бидзила, Болтрик, Мозолевский, Савоский. Ук. соч., с. 109, рис. 18; Бокий Н. М. Скифские курганы в бассейне р. Большая Вьсь на Кировоградской. — В кн.: Скифы и сарматы, с. 202, рис. 2, 2. Помимо опубликованных подобных бусы в больших количествах известны по материалам Херсонской, Запорожской и других экспедиций (Привольное, к. 10, п. 2; к. 16, п. 2, 3; Новотроицкое, к. 11, к. 7, п. 1; Ольговка, к. 2, п. 3; Меловое, к. 3, п. 2; Богдановка, к. 1, п. 2 и мн. др.).

⁹³ Козенкова. Ук. соч., с. 64 сл., табл. XXIX, 52.

⁹⁴ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 33—35, табл. 47.

⁹⁵ Брашинский И. Б. Южнодонская экспедиция. — АО 1980 г. М., 1981, с. 97 сл., рис. 1.

⁹⁶ Алексеева. Ук. соч., с. 41, табл. 47, 13, 29.

⁹⁷ Woolley. Op. cit., p. 157—159, pl. XIV; Seefried M. Glass Core Pendants Found in the Mediterranean Area. — JGS, 1979, 21, p. 18, fig. 1.

ские бусы-маски с двумя и более носатыми лицами. Они хорошо известны по раскопкам курганов Приднепровской Скифии⁹⁸, Восточного Крыма⁹⁹, лесостепи¹⁰⁰ и Северного Кавказа¹⁰¹ и датируются IV — началом III в. до н. э., что в общем соответствует датировкам средиземноморских образцов¹⁰².

Если маски в «Своде» представлены относительно хорошо, то этого нельзя сказать о подвесках в виде сидящего голубя. Е. М. Алексеевой учтено всего одно такое украшение, происходящее из Херсонеса. К тому же оно беспаспортно. Подобные изделия известны по находкам в Ольвии¹⁰³. Однако они также не дают материалов для датировок. Наоборот, образцы, найденные в Скифии, хорошо датированы IV в. до н. э.¹⁰⁴ В Средиземноморье подвески подобного типа происходят из могил V—III вв. до н. э.

Украшения, выполненные в технике накладных орнаментов, были широко распространены по всему античному миру. Они известны в Египте, на восточном побережье Средиземного моря, на Кипре, в Южной Италии, в Западном и Северном Причерноморье, а также на Кавказе. О центрах производства подобных изделий нет единого мнения ученых. Одни настаивают на египетском происхождении, другие — на сирийском, третьи считают их родиной Карфаген¹⁰⁵. Однако это лишь случайные высказывания, основанные на личных, во многом субъективных впечатлениях. Специальное исследование, посвященное стеклянным поделкам, выполненным в технике накладных орнаментов, в последние годы было предпринято М. Сифрайдом¹⁰⁶. Она пришла к выводу, что первые подвески с изображением человеческих головок с пучеглазыми лицами появились практически одновременно во второй половине VII в. до н. э. в Египте, на Кипре и в Карфагене. Однако модными и широко распространенными они стали лишь в позднеклассический и эллинистический периоды. Интересно наблюдение исследовательницы о степени распространения антропоморфных и других подвесок в различных районах античной ойкумены. Так, хотя Египет и являлся одним из древнейших центров стеклоделия, подобные украшения не были там популярны, поскольку их находки единичны. Так же мало они были известны и на восточносредиземноморском побережье, в том числе в Тире и Сидоне, которые также были известны в древнем мире как центры развитого стекольного производства. Немного было найдено таких украшений и на Кипре. Наибольшая коллекция собрана на пуническом побережье, особенно в Карфагене. Она насчитывает сотни, если не тысячи экземпляров. В этом собрании имеются образцы, вовсе отсутствующие в других районах. Исходя из этого, М. Сифрайд, как нам представляется, совершенно справедливо полагает, что основным центром производства подобных предметов был Карфаген.

⁹⁸ Лесков. Ук. соч., с. 58, рис. 47, 52, 98; Булятян, Чередниченко, Мурзин. Ук. соч., с. 68, рис. 7; с. 108, рис. 41, 1; Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Ук. соч., с. 184, рис. 9; Скадовский Г. Л. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. — Тр. VII AC, 1897, т. III, табл. XII; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 148. Кроме этого, в фондах ИА АН УССР хранится много неизданных украшений из раскопок последних лет.

⁹⁹ Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. — В кн.: Древности Восточного Крыма, Киев, 1970, с. 125, рис. 4, 4.

¹⁰⁰ Ильинська В. А. Басівське городище. — Археологія, 1965, 13, с. 60, рис. 10.

¹⁰¹ Козенкова. Ук. соч., с. 65, табл. XXIX, 60а и в.

¹⁰² Seefried. Op. cit., p. 18.

¹⁰³ Фонды ИА АН УССР — 0-49/445; фонды Николаевского музея — № а 956.

¹⁰⁴ Мелюкова. Раскопки курганов у с. Буторы..., с. 65, рис. 8, 11; Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э., табл. XLIV.

¹⁰⁵ Kisa A. Das Glas im Altertum. Lpz, 1908, S. 93—95; Sleen W. G. N. Perles verre du bassin méditerranéen et du Proche-Orient. — In: Annales du 3-e Congrès des JIV, Liège, 1964; idem. A Handbook on Beads. Liège, 1967, p. 65, fig. 16; Vives A. Estudio de arqueología Cartaginesa. La necropoli de Ibiza. — In: Ancient Egypt, 1920, part 2.

¹⁰⁶ Seefried. Op. cit., p. 17—26.

Как известно, современное состояние археологических объектов не всегда отражает реально существовавшую некогда историческую ситуацию. Хотя в Карфагене и не открыто мастерских, специализировавшихся на производстве подобных украшений, но они достоверно зафиксированы и в других районах. Но что в Карфагене существовало высокоразвитое стекольное производство, сомнений нет. В свое время в этом городе были исследованы две стекловаренные печи¹⁰⁷. Согласно Плинию (NH, XXXV, 26), пунические пески высоко ценились древними стеклоделами.

М. Сифрайд собрала некоторые данные и о распространении бус с накладными орнаментами в древнегреческих городах Северного Понта: в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее. Однако эта сводка базируется лишь на сообщениях, имеющих в дореволюционных изданиях. Отсюда следует и ее вывод о том, что полихромные украшения с накладными орнаментами на северных берегах Черного моря были редким исключением; сюда они попадали случайно. Материалы, которые собрала Е. М. Алексеева, в совокупности с находками в глубинах хинтерланда, полностью опровергают этот тезис. Различные поделки в виде человеческих пучеглазых лиц, а также в виде фигурок животных и птиц попадали в Северное Причерноморье не случайно. Они пользовались широкой популярностью не только у греков, но и у местного населения. Нам сейчас трудно указать конкретные причины распространности подобных изделий у обитателей Северного Причерноморья. Если пунийцы вкладывали в эти изображения конкретный смысл и видели в них воплощение Великих Богов и их спутников, то на северных берегах Черного моря эти украшения чаще всего выполняли роль амулетов-апотропеев. Не исключено, однако, что в некоторых случаях население юга Восточной Европы видело в них своих богов. В связи с этим интересна находка нескольких трехликих произведений в святилище Сабазия и Деметры на поселении Панское-1 в Крыму¹⁰⁸.

Много внимания в «Своде» уделено характеристике украшений со сложными узорами, выполненными в мозаичной технике. Е. М. Алексеева установила, что в древнегреческих городах Северного Понта эти изделия появляются со II в. до н. э., но широкое распространение они получают в римскую эпоху. Особенно интересны вариации сложноспаянных орнаментов. Это различные растительные мотивы, изображения лиц, фигурок и птиц, ковровые, ресничковые и сложногометрические рисунки¹⁰⁹. Раскопки последних лет значительно пополнили коллекцию этих изделий. Особенно интересные наборы бус были добыты при исследовании некрополей сельских поселений Боспора¹¹⁰. Довольно часто подобные украшения попадали и к сарматскому населению. Много их в последние годы было найдено в Северо-Западном Причерноморье. Так, в погребении 3 кургана 18 у с. Вишневое Татарбунарского р-на Одесской обл., раскопанном Дунайско-Днестровской экспедицией ИА АН УССР в 1978 г., было найдено несколько редчайших бусин, в том числе с узорами, выполненными в мозаичной технике. Одно из украшений — в виде маленького астрагальчика, украшенного ресничковым орнаментом. Белый глазок опоясывает красное кольцо. От этого центра отходят бирюзовые и белые лучи. Подобный тип в «Своде» отсутствует. Предлагается выделить его в тип 499а.

¹⁰⁷ *Ciuitas P. Les Carthagénienues dans leur cités.* — *Archéologie vivante*, P., 1969, 1, 2, p. 62.

¹⁰⁸ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 35.

¹⁰⁹ Там же, с. 33—45, табл. 47—49.

¹¹⁰ Корпусова В. М. Мініатюрна пластика і мозаїка з боспорського некрополя поблизу с. Золоте. — *Археологія*, 1973, 9, с. 74—83; она же. Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 71—75.

Не менее интересна мозаичная бусина с изображением четырех лебедей. Основа изготовлена из непрозрачного желтого стекла. Поверхность разделена на четыре черные зоны. На них помещены изображения лебедей, выполненные из непрозрачного белого, красного и желтого стекла с контурной обводкой из бирюзового стекла. Е. М. Алексеевой учтена всего одна такая, при этом беспаспортная бусина из Херсонеса ¹¹¹. Бусина, найденная в погребении у с. Вишневое, несколько отличается от херсонесской, однако она выполнена в той же мозаичной технике, передает те же мотивы и хорошо датируется I—II вв. н. э.

Одна из глав второго тома «Свода» посвящена характеристике стеклянных бус с металлической прокладкой. Е. М. Алексеева устанавливает хронологию бытования подобных украшений в Северном Причерноморье. Она подчеркивает, что впервые они появляются в наших краях в III в. до н. э., однако широкое распространение получили в I—III вв. н. э. Исследовательница выдвинула интересное предположение о том, что помимо традиционного золочения античные стеклоделы-ювелиры знали и посеребрение ¹¹². Ее предположение подтверждено количественным спектральным анализом образцов, найденных в эллинических городах на северных берегах Понта и в сарматских памятниках ¹¹³. Что касается определения красителей, которые использовали античные стеклоделы, то Е. М. Алексеева сослалась на уже проведенные у нас в стране и за рубежом анализы, указав на несовершенство современных методов исследований, которые приводят к значительной порче археологических находок.

Касаясь ранее проделанных анализов, следует отметить, что они лишь в незначительной степени затрагивают античное стекло, найденное на юге Восточной Европы. Исследовались в основном египетские, ассирийско-вавилонские, индийские, римские, японские, среднеазиатские, древнерусские и западноевропейские стекла ¹¹⁴. Качественный спектральный анализ нескольких десятков образцов стекол римского времени, сделанный Ю. Л. Шаповой ¹¹⁵, не полностью отвечает современным требованиям. Наоборот, количественный спектральный анализ, применяемый В. А. Галибиным, как нам представляется, в настоящее время наиболее приемлем в археологической практике. Он позволяет определить не только тип стекла, но и геохимическую характеристику сырья. Это позволяет выявить не только школу в стеклоделии, но и в отдельных случаях конкретизировать центры производства тех или иных изделий. Постоянно увеличивающийся объем раскопок археологических памятников на юге Украины дает в руки исследователей большое количество интересующего нас материала, который можно использовать без нанесения ущерба изделиям.

Таким образом, опираясь на работу Е. М. Алексеевой, мы попытались дать краткую характеристику фаянсовых и стеклянных украшений, бытовавших в Скифии и Сарматии. В целом они повторяют типы и формы украшений, найденных в античных городах Северного Причерноморья. Однако в этой коллекции известны и образцы, там отсутствующие. Ввиду закрытого характера большинства варварских комплексов стеклянные изделия из них предоставляют хороший материал для датировок.

¹¹¹ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 39, табл. 48, 49, тип 422.

¹¹² Там же, т. 2, с. 27—33, табл. 26.

¹¹³ Позолота: ХАЭ-76, с. Сергеевка, к. 4, п. 1, ЛОИА, ан. № 212/36; посеребрение: ан. № 212/38; Ольвия, фонды Николаевского музея, б/№, ан. № 244/25, 26.

¹¹⁴ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск. 1969; Шапова. Очерки...

¹¹⁵ Шапова Ю. Л. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий и брака из стеклоделательной мастерской, открытой в Комарове. — В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 5. Київ, 1964, с. 67—80; она же. Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса. — МИА, 1965, № 127, с. 249—255.

В заключение хотелось бы вкратце остановиться на путях проникновения этой продукции к местным племенам и формах торговли ею. В античное время можно выделить два типа центров, торговавших подобными поделками. 1. Центры, сами изготавливавшие и торговавшие бусами; для архаического времени как пример можно привести Ягорлыцкое поселение, для римского — мастерские-«лавки» в Танаисе ¹¹⁶ и на поселении Комарово в Черновицкой обл. ¹¹⁷ К сожалению, современное состояние источников не позволяет нам привести подобные примеры для классического и эллинистического времени. 2. Посреднические специализированные и неспециализированные центры. Наиболее показательным образцом такой посреднической специализированной бусинной «лавки» служит комплекс, вскрытый в 1980 г. на Елисаветинском городище. В раннеэллинистическое время подобные транзитные центры существовали и в Восточном Средиземноморье ¹¹⁸.

Очевидно, такие торговые точки имелись и в крупных городах на Северном Понте. Под этим углом зрения можно рассматривать, например, комплекс, вскрытый в Ольвии в 1947 г. В одном из помещений там было обнаружено большое количество бус: пирамидальных и амфоровидных подвесок, биконических, округлых и других украшений ¹¹⁹. С этой точки зрения интересны и «клады» бус, найденные на Асаревичском и Горшковском городищах в Южной Белоруссии ¹²⁰.

Специализированные «лавки» вели в основном, вероятно, оптовую торговлю. К рядовому потребителю эти изделия, следует полагать, попадали при посредничестве странствующих греческих и варварских купцов. Последние могли вести торговлю не только бусами, но и другими товарами античного импорта ¹²¹.

Можно думать, что торговля мелкими украшениями осуществлялась по весу. Об этом косвенно свидетельствуют находки разновесов на Ягорлыцком поселении ¹²² и в бусинной «лавке» на Елисаветинском городище ¹²³. Торговля более крупными фигурными и полихромными поделками велась поштучно.

Насыщенность скифских погребений стеклянными и другими бусами общеизвестна. То, что они предназначались в основном для удовлетворения культурных и идеологических запросов скифского общества, также не вызывает сомнений. Однако, по нашему мнению, на этом их роль не исчерпывалась. В определенных случаях они могли, как и боевые наконечники стрел ¹²⁴, выполнять роль мелкой разменной монеты, служить наравне с золотом, серебром и медью средством накопления богатств. В истории древнего мира и в этнографии такие случаи хорошо известны.

А. С. Островерхов

¹¹⁶ Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Стеклоделие Танаиса.— СА, 1966, № 2, с. 176—188; ср. Шапова. Очерки..., с. 157—160.

¹¹⁷ Смішко М. Ю. Поселення III—IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів, Чернівецької обл.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, с. 67—80; Шапова. Очерки..., с. 143 сл.

¹¹⁸ Woolley. Op. cit., p. 157—159.

¹¹⁹ Фонды ИА АН УССР, 0/47, № 553—601.

¹²⁰ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 94.

¹²¹ Островерхов А. С. Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980, с. 29 сл.

¹²² Он же. Обробка кольорових металів на античних поселеннях.— Археологія, 1981, 36, с. 36, рис. 7, 1.

¹²³ Брашинский. Южнорусская экспедиция..., с. 98.

¹²⁴ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. Геродот, кн. IV, гл. 81.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 115 сл.; он же. Скифы. М., 1971, с. 109.

FAÏENCE AND GLASS BEADS IN SCYTHIA AND SARMATIA

A. S. Ostroverkhov

Among the most popular imported goods to reach the local tribes in the North Black sea region were faïence and glass beads. These came to the remote hinterland from Greek cities on the northern shores of the sea. The author identifies the types of ornament commonly worn in Scythia and Sarmatia from the 6th century B. C. to the 4th century A. D. In this connection the classification worked out by Ye. M. Alekseyeva from material discovered in the Greek coastal cities has been of much assistance to the author. It is settled beyond doubt that the types of ornament favoured by the barbarian population were, by and large, the same as those in common use in the Greek colonies. In several instances, however, types found in the hinterland are not found in the Greek cities. Also, since many of the places where Scythian and Sarmatian ornaments are found the material had lain undisturbed in closed deposits, it has been possible to date some known types more precisely. The Greek coastal cities were not just transit points for Mediterranean products. They, too, sent small glass and, later, faïence beads of their own making for sale to the inland population. In the larger cities and barbarian settlements specialised bead «shops» were available for the wholesale trade. For the most part, however, the inland population probably got their decorative beads from itinerant merchants, along with other imported goods.
